

МОЙ
СВОДНЫЙ
КОШМАР

Наталья Ручей

Наталья Ручей

Мой сводный кошмар

«Автор»

2022

Ручей Н.

Мой сводный кошмар / Н. Ручей — «Автор», 2022

– Ты хоть раз уже целовалась, – он насмешливо кривит губы, – или так и пишешь в своих историях глупые сказки? – Не твое дело, – огрызаюсь ему по привычке. А он так же, скорее всего по старой привычке, не оставляет меня в покое и продолжает безжалостно жалить. – Кто будет читать твои романтические истории, если ты понятия не имеешь, что такое желание? А страсть для тебя – только слово. Молчу. Закрываю уши, чтобы не слышать. Но он делает шаг, обхватывает мои ладони своими, отводит их в стороны, прижимает меня к стене, вклинивается коленом между моих ног и, глядя на мои губы, вкрадчиво интересуется: – Может, попробуешь? А я тебе помогу.

© Ручей Н., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Алиса, настоящее	6
Глава 2. Алиса, прошлое, три года назад	10
Глава 3. Кирилл, настоящее	14
Глава 4. Кирилл, прошлое, три года назад	19
Глава 5. Кирилл, прошлое, три года назад	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Наталья Ручей

Мой сводный кошмар

Пролог

Застыв у закрытой двери, я в последний раз оглядываюсь, опасаясь, что меня кто-то застанет.

Сердце стучит, словно сошло с ума вместе со мной, но отступить слишком поздно.

Я знаю, что если не сделаю этого, если сейчас не войду, больше уже не решусь. Не решусь, а медлить нельзя, не смогу, я просто не выдержу...

Пальцы дрожат так, что мне далеко не с первой попытки удается опустить ручку вниз и открыть эту чертову дверь.

Делаю шаг в темную комнату, а на самом деле падаю в глубокую пропасть.

Страшно, так страшно, но я не могу отступить.

Тихо, чтобы никто не проснулся, закрываю за собой дверь и, прислонившись к ней, позволяю себе секундную передышку, чтобы хоть чуть успокоиться, чтобы я могла хотя бы что-то внятно сказать, хоть как-то объяснить хозяину комнаты свое внезапное вторжение ночью.

Конечно, он все поймет. Поймет и без слов. Но бессмысленно надеяться, что он упустит такую возможность поиздеваться надо мной лишний раз.

Пусть...

Пусть говорит что угодно, главное, чтобы не выгнал, чтобы он согласился. И потом, то, что я хочу ему предложить, – еще один повод унижить меня, разве не так? Поэтому он не должен мне отказать.

Прикрыв глаза, медленно выдыхаю.

Сейчас...

Сейчас я решусь и добровольно приближусь ему...

Но когда открываю глаза, вижу напротив себя темный силуэт и понимаю, что он снова настиг меня сам.

– Маленькая Алиса заблудилась в своем зазеркалье? – слышу насмешливый голос.

Молчу, чтобы не сорваться в ответ.

Нельзя.

И его это настораживает куда больше, чем мое появление.

– Что ты надеялась найти в моей комнате? – спрашивает уже без тени усмешки.

От его голоса холодно.

Так холодно, что страх отступает.

И, сделав шаг, я прикасаюсь руками к горячему обнаженному торсу мужчины, которого ненавижу, и откровенному ему признаюсь:

– Тебя.

И тут же, чтобы не передумать, поднимаюсь на носочках и прикасаюсь своими губами к его.

Он медлит.

Не отвечает и не отталкивает, и я обнимаю его за шею, заставляя склониться, чтобы он стал чуточку ближе ко мне, чтобы ответил, потому что я все равно никуда не уйду.

Не уйду.

И когда его пальцы зарываются в мои волосы, я понимаю, что выиграла, что у меня получилось.

И моим первым мужчиной станет именно он – мой самый страшный кошмар.

Глава 1. Алиса, настоящее

– Может быть, лучше жемчуг? Более благородно, да и к этому платью подходит. Или все же сапфиры? Оттенят глаза, подчеркнут новый статус. Невеста – уже не просто любовница, верно?

Пожалуй, так сильно мама не волновалась еще ни перед одной своей свадьбой. Крутится перед зеркалом, примеряет драгоценности, которыми ее щедро снабжает жених, и уже часа полтора не может определиться.

– Что бы ты ни выбрала, – обнимаю ее за плечи, – ты все равно будешь самой красивой.

Мама расцветает такой счастливой улыбкой, как будто для нее мои слова стали откровением. Она на самом деле красавица, и мало кто угадает, что ей почти сорок лет. Стройная, со вкусом, мягкая, женственная, знающая себе цену. Она прекрасно умеет себя преподнести в любом обществе, даже среди состоятельных снобов, которыми окружен ее будущий муж.

– И смею напомнить, – добавляю я, осторожно поправляя светлый локон, выбившийся из ее безупречной прически, – статус невесты у тебя не только последнюю неделю, а уже несколько лет. Ты сама не торопилась принимать предложение Федора Ивановича.

– Конечно, – соглашается с лучезарной улыбкой мама. – Я же должна была к нему присмотреться. А главное – убедиться, что он готов позаботиться не только обо мне, но и о моих дочерях.

– Мам... – выдыхаю я, но не успеваю продолжить.

Она оборачивается, приподнимает пальцем мой подбородок и, когда мы встречаемся взглядами, заверяет.

– Не переживай и не накручивай себя, солнышко. Естественно, главная причина, почему я выхожу замуж, – это чувства, а не холодный расчет.

Очень хочу в это верить.

Федор Иванович – прекрасный мужчина, он так тепло относится к моей матери, что это не заметит только слепой. Но три предыдущих брака у мамы были именно по расчету. Первый – чтобы у моей младшей сестры в свидетельстве о рождении не стоял прочерк в графе «отец» и ее не дразнили подкидышем, как это было со мной.

Второй брак оставил маме коммуналку на окраине города. А после третьего в ее собственность перешла трехкомнатная квартира в одной из элитных новостроек.

Самое удивительное, что бывшие мужья делились имуществом без судебной суеты и скандалов. Подозреваю, даже после развода они продолжали любить мою маму и все еще на что-то надеялись. Хотя она уходила решительно, не оглядываясь и с каждым разом выбирая все более перспективного спутника.

Возможно, она бы и вовсе забыла о том, что в ее биографии было столько мужей, если бы я не дружила со своими сводными братьями. Но я не представляла себя без Луки и Егора, маме они тоже всегда нравились, поэтому она мирилась с этим невольным напоминанием о своих прошлых ошибках.

Но с этим браком вроде бы и правда все по-другому.

И мама просто сияет, хотя они с Федором Ивановичем состоят в отношениях уже несколько лет. И Федор Иванович не только весьма и весьма состоятелен и способен потакать ее маленьким капризам, но и без ума от нее.

На мой взгляд, это лучший кандидат в мужья для моей мамы. Он внимательный, серьезный, заботливый, сумел так поставить своих приятелей и знакомых, что ни один из них не решится в открытую упрекнуть в чем-либо мою мать или двух ее дочерей.

На мой взгляд, у него только один недостаток.

Это Кирилл – его единственный сын. И единственный человек, который делал все возможное, чтобы превратить мою жизнь в настоящий кошмар.

Он с полным безразличием принял появление в жизни своего отца моей матери. Его не раздражала моя сестра, которая носилась за ним по пятам. Но один мой вид выводил его из себя.

Последние три года он живет и работает за границей. Все это время я стараюсь вычеркнуть из памяти пять месяцев, которые мы прожили под одной крышей. Но сегодня придется взглянуть своим страхам в глаза, потому что по случаю помолвки отца Кирилл возвращается.

– О чем задумалась, солнышко? – интересуется мама, заметив перемены в моем настроении.

– Просто немного волнуюсь, – отмахиваюсь я, не желая портить ей настроение в такой день, да и вообще загружать пустяками.

– Понимаю, – кивает она и начинает уговаривать, как маленькую: – Ты не слишком любишь новых людей, но тебе и не придется их развлекать. Поверь, они хорошо позаботятся о себе сами и найдут, обо что почесать языки. Но, возможно, ты так волнуешься не напрасно. Это женская интуиция, потому что кое с кем интересным я тебя все-таки познакомлю. И хочу, чтобы ты не отталкивала его с ходу, как остальных, а чуть-чуть пообщалась. Хотя бы полчасика, хорошо? Для меня.

С подозрением смотрю на маму, но она просто подмигивает. И я знаю: если она не хочет, можно упрашивать, пытаться – все равно не расскажет.

Но я не успеваю даже попробовать ее «раскрутить», потому что дверь открывается и в комнату заходит Полина.

– Мам, – говорит она, стараясь не смотреть на меня, – спускайся, гости уже подъезжают.

Не медля более, мама выбирает нитку жемчуга и, последний раз бросив взгляд на свое безупречное отражение, решительно объявляет:

– Мы готовы!

И вот как-то умеет она заразить своим настроением.

Спускаясь следом за ней по винтовой лестнице, невольно проникаюсь ее оптимизмом и надеюсь, что эта встреча с Кириллом не в пример предыдущим пройдет мирно-спокойно.

Все-таки три года прошло. Ему уже двадцать пять. Он – взрослый мужчина. Должен же он измениться?

Мама с Федором Ивановичем встречают гостей у лестницы дома. Много лоска и мишуры, пресса, фальшивые поздравления, не более искренние улыбки.

Многие женщины бросают на мою маму оценивающие взгляды, пытаюсь понять, что в ней нашел такой завидный мужчина. Несколько лет у них теплилась надежда, что все не всерьез, но теперь она исчезает.

Мама делает вид, что верит их пожеланиям, она легко и быстро привыкла к новым реалиям своей жизни. А я радуюсь тому, что могу стоять последней в семейном ряду и не участвовать в пустых разговорах.

Максимум, что мне перепадает, – цепкие взгляды. Честно говоря, я бы предпочла отсидеться в комнате или заночевать у друзей, но мама так гордится нами с Полиной и так хочет уколоть гостей слаженностью в нашей семье, что приходится терпеть этот цирк.

Партнеры Федора Ивановича с супругами, их дочери, соседи по коттеджному городку – посторонних нет.

И людей, которым бы хотелось искренне улыбнуться, тоже не наблюдается.

Конечно, со многими соседями плюс-минус своего возраста я знакома. Но они очень сильно любят Кирилла и потому так же сильно не любят меня. Можно сказать, что, уехав, он оставил свои «зеркала», которые транслировали его ко мне отношение и мешали забыть о нем напрочь.

Неприятный момент, но терпимый. Я не горела желанием им понравиться, влиться в их общество. Поэтому полный игнор со стороны его приятелей и подружек меня более чем устраивал.

Чем меньше напоминаний о Кирилле, тем лучше.

Три года относительного покоя...

Я бы многое отдала, чтобы сегодня избежать встречи с ним, а вот они его ждут.

Поздоровавшись с хозяином дома и новой хозяйкой, отходят на лужайку с расставленными столами, кучкуются, посматривают на распахнутые ворота.

Момента, когда Кирилл появился, я не вижу, но чувствую остро. Спину начинает жечь от множества взглядов – ну да, им любопытно, как мой названный братец отреагирует на новую встречу.

Несколько минут, пока он подходит к дому, кажутся секундой и вечностью одновременно.

Глядя прямо перед собой, я делаю глубокие вдохи и выдохи и по-прежнему пытаюсь убедить себя, что он изменился, он изменился, а значит, все будет иначе...

Я слышу, как он сухо поздравляет отца, боковым зрением вижу, как целует моей матери руку, слышу ее смех – ей всегда нравился сын Федора Ивановича, всегда. Он всегда и всем нравился. В том числе и Полине, которая зарделась при его появлении и глупо хихикает, когда он осыпает ее комплиментами.

Я незаметно делаю пару шагов в сторону и надеюсь, что он обойдет меня, сделает вид, что не заметил, не узнал, пусть даже – не захотел подойти.

Но, оставив мою сестренку в полном блаженстве, он делает шаг ко мне и замирает напротив.

Ни единого слова.

Ни с его стороны.

Ни с моей.

Но он не уходит. Не уходит, понимая, что он слишком близко, и я не могу и дальше рассматривать дорожку у себя под ногами. Не могу и дальше его игнорировать.

Он заставляет меня взглянуть на себя.

И если я не хочу «ярких» сцен, которые с жадностью начнут обговаривать... если не хочу испортить такой важный день для мамы, которую сильно люблю...

Я уже не маленькая Алиса, напоминаю себе.

Я тоже выросла, изменилась.

Медленно скольжу взглядом по модным кроссовкам – он любил носить их и с джинсами, и с классическими брюками, и ему всегда это шло. Сейчас на нем темно-синий строгий костюм, и все равно кроссовки смотрятся модно, уместно. Как и рубашка черного цвета, не застегнутая наглухо, а позволяющая увидеть часть длинного тату, которое – я помню – располагается на груди, тянется к ключицам и опускается в виде длинного рукава на левой руке.

Набравшись храбрости, поднимаю взгляд вверх и смотрю в сапфировые глаза – любимый цвет моей матери.

Лицо стало суровой, теперь он еще больше походит на своего отца. Светлые волосы еще сильнее выгорели на солнце, кожа стала заметно смуглее. Фигура раздалась, и, увы, не за счет количества жира. Даже строгий костюм не может спрятать свидетельство того, как много времени он отдает тренировкам. Ну и постельным утехам – наверняка, он ведь сам говорил, что это позволяет любому держать себя в форме.

Он изменился, да.

Неизменным осталось одно – жгучая, затаенная неприязнь, которую выдает его взгляд.

И я убеждаюсь, что не ошибаюсь и не преувеличиваю, когда он склоняется ко мне, делая вид для других, для тех, кто наблюдает за нами, что радостно обнимает меня, а сам шепчет мне в ухо:

– Ну что, Алиса, так и пишешь в своих маленьких грязных историях ложь или тебя хоть раз уже трахнули?

Глава 2. Алиса, прошлое, три года назад

Я ухаю в прошлое так резко, что стираются грани реальности...

Мой день рождения, мне снова шестнадцать. Наконец-то чинные посиделки в ресторане окончены, и, едва машина останавливается у дома, я подхватываю подарки и спешу зайти в дом.

– А я? – доносится вслед голос Полины.

– Пусть побудет одна, – слышу веселый голос мамы, – ей же интересно опробовать новый гаджет.

И это правда.

Я уже представляю, сколько музыки закачаю на этот смартфон, какими красивыми будут новые фотографии, а еще я смогу писать прямо в нем. Не ждать момента, когда доберусь до ноутбука, – иногда, пока дождешься, и вдохновение схлынет, и сидишь потом над буквами, но видишь не историю, а именно буквы. Мучительно пытаешься складывать буквы в слова, слова – в предложения и бросаешь.

Ждешь новой волны вдохновения.

И мучаешься оттого, что вроде бы слышишь и видишь героев, а все, настроения нет, все упущено.

Счастливая, окрыленная, я мчусь по лестнице, которая впервые кажется не красивой и величавой, а всего-навсего нескончаемой. Распахиваю дверь в комнату и застываю, ошеломленная, на пороге.

Не могу поверить в увиденное.

Не могу поверить, что это на самом деле, но...

Моя крепость, мое убежище, куда никто не входит без стука, подверглось жестокому взлому.

На моей кровати лежит Кирилл – сын хозяина дома. Но меня злит не то, что он ворвался на мою территорию без моего приглашения, и не то, что он в обуви поверх белого покрывала. А то, что в его руках ноутбук.

Мой ноутбук.

И он не просто слушает музыку или копается в интернете. Он читает то, что я прячу от мамы, от любопытной Полины, от подружек по школе – от всех.

Заметив меня в дверях, Кирилл ничуть не смущается. Наоборот, словно только и ждал этого, начинает громко зачитывать:

– ...И тогда он взял меня за руку, нежно погладил костяшки моих пальцев, стал покрывать их поцелуями, а потом вопросительно посмотрел мне в глаза и поцеловал меня в губы...

Его поцелуй – как крылья раненой бабочки, обжег мои губы. Так нежно, что я...

– Замолчи! – шиплю я.

Закрываю дверь, чтобы никто не услышал, потому что это стыдно, так стыдно, а он...

А он хохочет, бросает на меня насмешливый взгляд и продолжает зачитывать:

– ...Я затрепетала и качнулась навстречу к нему. Эта нежность просто сводила с ума. Не думала, что поцелуи такие...

Бросаюсь к нему, пытаюсь отвоевать ноутбук, но куда там!

Он старше, сильнее, и его не лихорадит от эмоций так, как меня. Он берет ноутбук правой рукой и отводит ее в сторону.

Тянусь за ним – но достать не могу.

Есть только один вариант – лечь на Кирилла, но мне это и в страшном сне не приснится. Не хочется, как и он, напрочь провонять духами его очередной пассии-однодневки. Не знаю,

как он терпит на себе такой сильный запах – первое время я думала, что у него вечно заложен нос, даже присматривалась к нему, чтобы понять, как он дышит.

– Не берись строить глазки, – сказал он как-то, приняв мой интерес к нему за совершенно иной. – У тебя скверно выходит – толку не будет, только глаза окосеют.

Заметив, что он дышит нормально, я от него отстала. Он даже похвалил меня за понятливость.

Если исключить его грубость при этом, можно сказать, что это был невероятно трогательный момент между нами: мы позаботились о здоровье друг друга.

Но так как проблема с насморком не подтвердилась, я пришла к выводу, что у него, как и у его девушек, просто отсутствуют чувство меры и вкус.

А еще чувство такта, потому что ни один воспитанный человек не будет вести себя так, как Кирилл. И упиваться тем, как страдает другой.

Чувствую, что к глазам подступают бесполезные слезы, продолжаю пытаться вернуть себе ноутбук. Но тщетно: Кирилл отмахивается от меня, как от невесомого мотылька, а потом, видимо, ему наскучивает это занятие, потому что он неожиданно предлагает:

– Отдам ноутбук, если честно ответишь на два вопроса.

Смотрю на него в упор и молчу.

Молчу, чтобы позорно не разрыдаться и не допустить слабости, попросив помощи у других.

Это моя проблема, и я справлюсь сама.

– Честно ответишь, – повторяет с нажимом он. – Поняла?

Не отвечаю, но, видимо, он понимает, что я у него на крючке и выполняю это простое условие, потому что удовлетворенно кивает и наконец озвучивает цену выкупа:

– Ты уже целовалась? И если да – назови имена.

В ушах начинает звенеть, лицо покрывается пятнами – чувствую это. И, кажется, вижу свое нелепое отражение в синих глазах, которые внимательно за мной наблюдают.

Имена...

Он думает, что я встречалась уже не с одним...

Я настолько теряюсь и от этого предположения, и от вопроса, но больше – от требовательности, которая звучит в его голосе. Как будто он вправе знать обо мне все. Даже то, что не знают другие.

Поэтому пропускаю момент, когда ноутбук остается лежать на кровати, а Кирилл оказывается напротив меня.

Высокий...

Какой же высокий...

Наверное, поэтому у всех его подружек такие огромные каблуки, потому что иначе они до него не дотянутся...

Испуганным ворохом проносятся мысли и застывают подобно желе, когда он вдруг обхватывает пальцами мой подбородок, заставляя смотреть на себя, заставляя не прятаться. И, видимо, от испуга я не могу вспомнить ни одного мужского имени, кроме...

– Лука и Егор, – произношу едва слышно.

И едва не глохну от его нового приступа смеха.

Мое лицо просто горит из-за глупости, которую ляпнула. Ну да, назвать в качестве своих парней сразу двух сводных братьев – это провал.

Перестав хохотать, Кирилл берет меня за руку, легко преодолев мое сопротивление, подносит к своим губам, и я уже думаю, что он... что он...

Он проникновенно смотрит в мои глаза, поглаживает мою ладонь подушечкой большого пальца, отчего я впадаю в странное оцепенение, и душевно так говорит:

– Внесу вклад в твой будущий опыт. Если хочешь, чтобы хоть один мужчина когда-нибудь поцеловал костяшки твоих пальцев, сделай так, чтобы у тебя появились эти костяшки. Пока их даже руками трудно нащупать. У меня вот не вышло.

Он отпускает мою ладонь.

Сзади что-то оглушительно хлопает...

Вздвигнув, вынырываю из ватного кокона воспоминаний, оборачиваюсь на звук и понимаю, что это приятели Кирилла, не вытерпев, сами открывают шампанское.

Кстати, Полина уже среди них. Смеется, ничуть не расстроившись, что игристое вино попадает на ее новое платье. У нее много нарядов, она в любой момент может подняться в комнату и сменить один на другой, так что меня смущает не это. А то, что она тоже тянется за бокалом.

Может, сделает для вида пару глотков?

Заметив мой взгляд, сестра специально становится так, чтобы повернуться спиной. Ладно, она знает, что делает. По крайней мере, она в настроении, что в последнее время редкость.

Отвернувшись, недоуменно смотрю на Кирилла, удивляясь, что он еще здесь. Его компания уже подает ему знаки, торопит, чтобы присоединился к ним, а он так и стоит напротив меня.

– Ну так как? – интересуется он.

С трудом вспоминаю, о чем он. А когда меня осеняет, не могу отказать себе в удовольствии и смеюсь.

Смеюсь так громко, что кое-кто из важных гостей оборачивается, но это не имеет значения. Для меня уже нет.

Куда больше меня занимает то, как хмурится мужчина напротив меня. Не может понять, что смешного. А это ведь просто.

Делаю шаг к нему, так же, как и он до этого, притворяясь, что собираюсь обнять от излишка трепетных чувств. Провожу пальцами по вороту его пиджака. Он опускает голову, загнипнотизированно следя за моими движениями, и так даже лучше, пусть мой ответ останется между нами.

– Интересно, почему я должна отвечать? Шантажировать меня больше нечем. Я не на исповеди. Ты мало похож на человека, перед которым мне хочется упасть на колени и покаяться в своих прегрешениях, – перечисляю я, старательно стряхивая с его пиджака несуществующую пылинку. – С другой стороны, именно ты внес первую лепту в мой опыт в подобных вопросах...

Его дыхание настолько тяжелое, что шевелит мои волосы на макушке. Но когда я делаю паузу, оно обрывается, словно он боится, что из-за гула гостей меня не услышит.

Не доводя его до кислородного голодания и себя до проблем – не уверена, что первую помощь умеет оказывать кто-то, кроме меня, – продолжаю с улыбкой:

– Я уже довольно давно сделала так, чтобы костяшки моих пальцев были видны.

После чего еще раз, но уже куда медленней, чтобы это заметил и он, провожу пальцами по его пиджаку и решаю, что с пылинкой покончено.

Как и с душевными разговорами.

Хочу отойти, затеряться среди гостей, но не успеваю.

– Алиса! – зовет меня мама.

Бросив взгляд в ее сторону, замечаю рядом с ней и Федором Ивановичем незнакомого мужчину.

Федор Иванович что-то говорит этому гостю, мама нетерпеливо машет рукой и подмигивает, незаметно кивая на незнакомца.

Несмотря на то, что на вид ему около сорока, может даже чуть больше, выглядит он хорошо. Подтянутый, довольно интересная внешность, хотя черты жестковаты.

Вспомнив ее просьбу, с трудом даваю вздох, понимая, к чему это все.

Но праздник, вежливость, да и Кирилл все еще рядом...

Изображаю сияющую улыбку наивной девушки, которая ни о чем не догадывается, и направляюсь к своему новому потенциальному ухажеру.

Но делаю только шаг, и...

Кирилл хватает меня за запястье. Довольно сильно, приходится остановиться и развернуться к нему, чтобы вырваться. Улыбнувшись родственникам – мол, извините, на секунду еще задержу, не виделись столько лет, – он пронизывает меня тяжелым взглядом, от которого хочется спрятаться, и буквально цедит каждое слово:

– Не торопись с выводами. Возможно, однажды ты сама захочешь опуститься передо мной на колени.

Его предположение настолько смешно, что хочется рассмеяться.

Но я не могу.

Отчетливо понимаю, что он имеет в виду, но главное ведь не в этом. Главное в том, что он абсолютно не шутит и действительно допускает мысль, что я могу...

Кивает, сменяя мое недоверие.

Склоняет голову набок, проходится по мне придирчивым взглядом.

– Только запомни: тебе придется очень... – Подушечка его большого пальца начинает скользить по моим костяшкам, словно проверяя, что они действительно есть. – Очень постараться, чтобы я принял твоё покаяние.

Глава 3. Кирилл, настоящее

Хрен знает, с чего меня так заносит.

И почему вместо того, чтобы дать ей уйти, мелькает сумасшедшая мысль затащить ее в дом, прижать к стене и искушать до беспамятства ее губы, чтобы она сама опустилась передо мной на колени.

Наверное, выводит из себя ее дерзость.

Раньше она всегда, даже в ущерб себе, предпочитала конфликту мир. А сейчас откровенно нарывается.

Вряд ли соображая – на что.

Иначе не улыбалась бы, а уже бежала к мамочке, теряя по пути тапки.

Хотя сегодня она изменила любимой обуви на плоской подошве и даже умело держится на довольно высоких каблуках.

Но выбор плохой.

Неудачный.

Потому что ее пухлый рот слишком близко. Так близко, что я с трудом давя в себе желание стереть эту лицемерную улыбку своими пальцами.

Интересно, если и правда к ней прикоснусь – закричит или молча вытерпит, сделает вид, что ничего страшного не происходит, а потом бросится к защитникам, разукрасив свои обвинения?

Когда-то я был уверен, что знаю ее. И знаю глубже, чем кто-либо другой. Но даже если бы я не ошибся, человека может изменить даже день, не то что три года.

Уже не шестнадцатилетняя девчонка.

Ей девятнадцать.

Она стала заметно стройнее, не до состояния, когда взглядом можно сосчитать позвонки, но булочкой ее вряд ли уже кто-нибудь посмеет назвать. Черные волосы гораздо длиннее, но не собраны в хвост, а распущены.

Знает, наверняка уже знает, как длинные красивые волосы действуют на мужчин.

Их хочется сжать в ладони, пропустить через пальцы и намотать на кулак, чтобы запрокинула голову, чтобы из взгляда исчез этот вызов. И удивление, как будто она понятия не имеет, за что я мог бы с нее спросить.

Не сомневаюсь, что эти темно-карие, почти обсидиановые глаза не одного мужчину сделали тюфяком и наивным увальнем, который ей потакает и верит.

– Алиса! – нетерпеливый голос ее матери разрезает тишину между нами.

И я отпускаю запястье притворщицы.

Не глядя на нее более, направляюсь к друзьям. Странно по-дружески обниматься с теми девчонками, с которыми когда-то трахался жестко, но из четверых, кажется, только Светка была бы не против повторить наш секс-марафон. У одной постоянный любовник, очень ревнивый. Вторая уже замужем и родила. Третья на днях собирается выбирать кольца.

Я немного в курсе событий, хотя мы в последние годы редко общались. Так, в общих чертах. Но этого достаточно, чтобы в первые минуты не было натужных попыток искать темы для разговора.

– С возвращением! – Светка прижимается ко мне, тянется за поцелуем и, проверяя мои намерения, делает вид, что случайно целует меня не в щеку, а в губы. – Ты, надеюсь, надолго?

– Надеюсь, что нет.

– Главное – самому так не промахнуться, – ржет Макс, когда мы обмениваемся приветствиями.

Сергей подхватывает смех приятеля, думая, что это удачная шутка. Присмотревшись к ним, понимаю, что они уже хорошо «приложились». Но меня удивляет не то, что они успели поднять себе настроение, хотя недавно пришли, праздник толком даже не начался, а то, что от них не отстают и Полина.

Пытаюсь припомнить, сколько ей лет – шестнадцать-семнадцать? Не мое дело – читать ей нотации, но больше, по ходу, некому.

Ее мать и мой отец прохаживаются по лужайке и дразнят своим очевидным счастьем гостей. А старшая сестра, если я правильно понимаю, пытается наладить личную жизнь. Уж слишком явно флиртует.

Ненароком поправляет сливочное коктейльное платье, перекидывает с шеи черные локоны, чтобы было видно ее грудь. Размер третий? Или второй с поролоновыми вставками? Мужик смотрит внимательно – судя по всему, тоже пытается разгадать.

Она не смущается.

Кокетничает.

То улыбается, то заливисто смеется, наплевав на то, что многие оборачиваются. То опускает взгляд, то снова смотрит мужчине в глаза. А глаз-то его и не видно – все его внимание там, где дилемма: второй или третий?

И снова трюк со взглядом в сторону, куда-то вдаль – и на собеседника.

Забыла все на хрен.

Говорил же ей четко, что ни черта у нее не выходит и строить глазки так неумело – плохо для зрения.

Понимаю, что какого-то черта сорвался с места, только когда уже приближаюсь к воркующей парочке.

Но чем ближе я к ним, тем сильнее растет мое удивление.

Во-первых, я наконец узнаю ценителя бюстов. Во-вторых, они оба говорят по-английски. Но это хрен с ним – мало ли какая блажь у людей. Но потом до меня доходит смысл их беседы.

– Да, Дэн, я тоже считаю, что это прекрасный собор, там особая атмосфера, и... – Алиса монотонно и без особого интереса повествует о местах, которые в нашем городе стоит посетить в первую очередь.

Ее собеседник кивает, смотрит на ее грудь и задает наводящие вопросы, как будто впервые здесь и проездом.

Наверное, я как-то себя выдаю, потому что Алиса оборачивается, окидывает меня равнодушным взглядом и увлеченно продолжает тараторить о достопримечательностях.

– А еще, Дэн, я бы посоветовала вам... – доносится до меня ее голос.

Останавливаюсь позади нее, киваю мужчине в ответ на его приветствие и перебиваю бессмысленный монолог:

– Что, Денис Анатольевич, начали давать частные уроки английского? Или просто решили освежить в памяти архитектуру родного города?

Алиса умолкает.

А потом оборачивается и смотрит на меня с таким укором во взгляде, как будто это я дурил ей голову и выдавал себя за иностранца, желающего припасть к святым мощам.

– Извините... – роняет уже по-русски.

Но не мне, а тому, кто разыгрывал перед ней представление.

– Подождите, Алиса, – просит ее уже не Дэн, а Денис Анатольевич, и мне достается еще один негодующий взгляд. – Я действительно живу в Америке, действительно занимаюсь книжным бизнесом...

– Хорошо, что мы не успели коснуться этой темы, – чуть нервно усмехается Алиса. – В этом вопросе мой английский не так совершенен.

Она снова пытается уйти.

Но, видимо, Денис Анатольевич рассмотрел то же, что только что я, когда ее губы не отвлекали. Нет у нее никакого поролона в бюстгальтере. На ней и бюстгальтера нет.

– Ваша мама говорила, что вы пишете истории... – закидывает он удочку, не желая ее отпустить. – Поверьте, у меня серьезное издательство...

И я уже думаю, что вот оно – он ее зацепил.

Если чем и можно ее удержать, когда она злится, то именно этим.

Но Алиса улыбается.

Качает отрицательно головой.

И почти сбивает издателя с ног смелым признанием:

– Вряд ли мои истории подошли бы для серьезного издательства. Дело в том, что я пишу исключительно порно.

Воспользовавшись моментом, пока у издателя в памяти смешались английские и русские буквы, она удаляется.

– Порно... – тянет задумчиво Денис Анатольевич, глядя ей вслед. – А я бы, пожалуй...

И замолкает, снова освежая в памяти лексикон.

Бросаю взгляд на Алису – и то ли каблук виноваты, которые она раньше терпеть не могла, то ли платье, которое могло быть и подлиннее, но внимание просто прикипает к ее упругой заднице.

– Я бы, пожалуй, – осеняет издателя, – ее почитал...

Сжалившись над старческой деменцией, подсказываю более точное слово:

– Поимел.

Он согласно кивает, бросает в мою сторону немного расфокусированный взгляд, преисполненный благодарности, а потом сознание его снова светлеет.

– Что?

– Говорю: у меня имелась возможность ознакомиться с ее творчеством.

– Да? – вяло интересуется он.

Мое признание его явно заинтриговало значительно меньше, и спрашивает он чисто из вежливости.

Из той же долбаной вежливости, из которой я не могу открыто послать знакомого отца пускать слюни по дамам более подходящего возраста.

– И как тебе? – интересуется он без особого интереса.

– Да никак, трата времени, – пожимаю плечами. – Смотреть и участвовать мне нравится больше.

– Это да, – соглашается он, снова находит взглядом Алису, – но сейчас это перспективное направление, иногда надо давать новым авторам шанс...

Шанс, ну да.

Пока он только пускает слюни, у него действительно есть шанс пробежаться по памятникам архитектуры, как он и плел, а не по ближайшим стоматологиям.

Он тяжело вздыхает. Заметив, что Алиса в компании моих знакомых увлеченно беседует с молодежью, он, видимо, понимает, что «почитать» сегодня не выйдет.

– Кирилл, – тянется в карман пиджака, достает одну из визиток, – передай сестре, пусть со мной свяжется... Все-таки интересно, а вдруг...

То есть он не остыл.

Ну ладно, я пытался быть вежливым до последнего.

– Агата Юрьевна! – взяв визитку и сунув ее в карман, окликаю бодрую старушку, которая в компании своей знакомой проходит в паре шагов от нас, демонстративно воротя припудренный нос. – Как же я рад вас видеть! Выглядите просто великолепно! Как и ваша подруга.

Она немного удивляется, но подходит.

Я радостно целую ей руку, как будто не эти же пальцы когда-то пытались скрутить мои уши в трубочку. Ну что поделывать. У нее были самые вкусные груши. А еще ими не жаль было кидаться с огромного дерева.

– Ох, какой же ты стал... – млеет она от моего внимания. – Надеюсь, остепенился? Я же понимаю, это все твоя компания...

Я понуро киваю.

– Но вроде бы и правда чуть изменился, – присматривается она ко мне. – Подрос, что ли? Или просто стал серьезней, чем раньше?

Снова киваю, а заодно обеляю себя в ее глазах еще больше – мало ли отец груши так и не высадил, а вкуснее я и правда нигде не встречал.

– Да куда уж серьезней, – говорю я и перевожу взгляд на знакомого отца, сообразившего, что с двумя говорливыми старушками придется обсудить все что угодно, даже свои детские годы, только не тему, которая его взволновала, и намеревавшегося незаметно сбежать. – Вот, кстати, познакомьтесь, это Денис Анатольевич. Очень серьезный издатель... высокой литературы...

– О-о-о... – теперь вдохновляется не только Агата Юрьевна, но и ее приятельница. Они обступают издателя, пронизывают вдохновленными взглядами и... – А вы знаете, что первое издание Пушкина...

Пристроив приятеля отца в компанию, которая так просто его не отпустит, делаю вид, что меня кто-то окликнул, и тут же откланиваюсь. Подозрений не возникает: у двух старушек просто со слухом не очень. А третьему жужжат в оба уха про Пушкина.

Н-да, быстро же он устает – уже какой-то вялый и неактивный, ничего своего придумать не может и понуро кивает, как ранее я. А ведь это его работа – нести просвещение в массы! Как говорится, не порно единым...

Ему выпадает только секундная передышка, когда Агата Юрьевна, благосклонно потрепав меня по щеке, приглашает заскакать за грушами, если вдруг я буду здесь осенью.

– Только через ворота, – подмигивает она.

– Естественно, – легко соглашаюсь я.

И так же легко удаляюсь, потому что Агата Юрьевна – мудрая женщина и правильно рассудила: после таких моих перемен ждать от меня еще и того, что я в курсе, сколько томиков было у Пушкина, и поддержку интересную для нее беседу – это приближать к себе смерть.

Мысленно перекрестившись, направляюсь к своим.

Без разницы, что там крутится и Алиса. В конце концов, это мои друзья, я давно их не видел, и, если она хочет и дальше с ними так душевно общаться, хочет полностью влиться в компанию, придется чуть-чуть потерпеть.

Но сегодня, наверное, день такой. Как только я делаю шаг не в ту сторону, мир делает кувырок.

То притворщик-издатель, то громкие заявления насчет порно, то вот открытие, что Алиса по-прежнему имела в виду статус людей. И отнюдь не пытается влиться в компанию, которая когда-то отказалась ее принимать.

Общение с моими приятелями вряд ли можно назвать задушевым, хотя распекает она их от души. Упрекает их за шампанское – понять не могу, не тот сорт или ей не досталось? Спрашивает о количестве выпитого. И если Макс и Сергей слушают ее молча, пожирая глазами, то девчонки на взводе.

Переглядываются, кучкуются, пряча за своими спинами Полину, а потом на первый план выдвигается Светка. Полирует пальчиками длинные коготки, плотоядно усмехается, и я буквально вижу ползущие по ее лбу желчные строки, которые она готова озвучить.

Не знаю, к чему она может прицепиться на этот раз – это уже не та неуверенная в себе девчонка. Даже заметив приближение Светки и догадавшись, что та спешит ее не обнять, Алиса продолжает что-то высказывать Макс с Сергеем.

Она говорит тихо, но горячо.

И пусть бы проехала по этим двоим, мне без разницы. Даже если она решила сказать им, что думает спустя столько лет, им не помешает встряхнуться.

Но это не лучшее время и место.

Она настолько увлекается, что не замечает одного из папарацци, наострившего уши и замершего в ожидании животрепещущего скандала.

И ведь не унимается.

Завелась не на шутку.

Приходится использовать быстрый и действенный метод.

Преодолев разделяющие нас пару шагов, сначала даю ей увидеть себя, а потом кладу на ее спину ладонь.

И медленно начинаю поглаживать пальцем.

Громкий выдох.

Она оборачивается, сверкая глазами и явно мечтая меня придушить.

Опустив руки, предусмотрительно сжимаю оба ее запястья, склоняюсь над ней и говорю негромко, чтобы слышала только она:

– Улыбайся. Если не хочешь стать героиней светской хроники, улыбайся, Алиса. Сделай вид, что у нас все в порядке. Притворись, что я тебе нравлюсь.

Еще до того, как звучит ее голос, я уже знаю ответ.

Вижу его в темных глазах, где бушует стихия. Читаю его по губам, на которых мелькает скупая улыбка. И слышу эхо из прошлого:

– Не получится. Мы это уже проходили.

Глава 4. Кирилл, прошлое, три года назад

В какой-то момент мне кажется, что передо мной стоит та Алиса, другая. Которой шестнадцать и которую я однажды пригласил покататься по городу в своей новенькой тачке...

– С чего вдруг? – с подозрением спрашивает она, перестав что-то быстро печатать на своем ноутбуке.

А я стою в дверях ее комнаты, и хрен знает, как объяснить свой порыв.

После того случая с ноутбуком мы хотя и живем в одном доме, но практически не пересекаемся. Она не занимает кофемашину со своим латте, когда я спешу и хочу эспрессо. Отказавшись от ужинов, не бесит меня тем, как мелко кромсает в тарелке мясо. Не хлопает дверь комнаты, когда я отсыпаюсь после очередной вечеринки. Не говорит слишком громко под моими окнами, усаживаясь на мопед одного из своих сводных братьев, хотя мы оба знаем, что нам по пути и я мог бы ее подвезти.

Я не слышу ее залихватский смех, который перебивает в моих наушниках жесткий рок. Перестал на нее наткаться, когда она идет по коридору с влажными после душа волосами или смешным полотенцем, которое имеет дурную привычку разматываться и падать на пол, мешая пройти.

Я не слышу, как она торопливо сбегает по лестнице в своих босоножках.

Мы так же живем в одном доме.

Но ее словно нет.

Не знаю, что заставляет меня распахнуть дверь в ее комнату и смотреть, как она увлеченно бьет по клавишам, притворяясь, что не видит меня. Понятия не имею, что дергает меня за язык пригласить ее прокатиться. И какого рожна, когда она не взвизгивает от радости и не несется к машине впереди меня, предлагаю:

– Судя по настроению моего отца, он не планирует отпускать твою мать. Придется как-то существовать в одном доме. Давай сделаем вид, что у нас все в порядке. Притворимся, что только что познакомились.

Она медлит с ответом, и я уже думаю, что заслуженно пошлет меня к черту. И к лучшему, потому что и полчаса в одном помещении нам давались с трудом. Но она неожиданно кивает, выключает свой ноутбук, подходит ко мне, заглядывает в глаза и как-то наивно интересуется:

– Думаешь, у нас выйдет?

В голове предупреждающим колоколом проносится мысль, что это плохая идея, но вслух я говорю совершенно другое:

– Разок попробовать можно.

Она не прихорашивается, не пытается надеть все лучшее сразу, чтобы соответствовать статусу тачки. Джинсы, рубашка, сандалии, волосы собраны в хвост, на лице ни грамма косметики.

– Куда вы? – выбегает из дома Полина, заметив, что мы вместе уходим.

– Проедемся по делам, – отвечаю я, прежде чем Алиса согласится взять сестру вместе с нами. – Тебе что-то купить?

Девчонка хмурится, потом пожимает плечами и нехотя озвучивает:

– Разве что сладкую вату – мама мне эту гадость не покупает.

Алиса бросает на меня растерянный взгляд, но я киваю, и она дает обещание сестре, что вернется с подарком.

Мне не терпится посмотреть на реакцию Алисы, когда она увидит мою черную бэу. С удовольствием наблюдаю, как восторженно она смотрит на мою красавицу и как сдерживает себя от того, чтобы не прикоснуться к ней, парит над ней пальцами. Потом оборачивается и говорит:

– Она тебе очень подходит.

Мне даже на пару секунд перепадает ее восторженный взгляд.

И смех, когда я, шутливо изобразив поклон, открываю для нее переднюю дверь и захопываю, едва она ныряет в салон.

Сев за руль, делаю вдох, улавливаю легкие весенние нотки, несмотря на то, что за окнами осень, и чувствую какую-то легкость и душевный подъем.

Правильно говорят, что машина не только имеет свой характер, но и свое настроение.

Да, тогда я думал, что все дело в машине.

Не мог думать иначе.

Даже когда ловил себя на том, что часто смотрю на пассажирку и любуюсь легкой улыбкой, с которой она смотрит на мелькающие за окнами пятна мегаполиса. Даже когда с жадностью слушал ее смех, когда я остановил машину у парка и потянул Алису на поиски сладкой ваты. А сам, прекрасно зная, где она продается, кружил по аллеям.

– Кажется, это там, – она все же заметила точку, возле которой изредка останавливались дети.

Даже когда я взял ее за руку, разворачивая в другую сторону, и предложил:

– Давай притворимся, что мы здесь не по заданию, а просто гуляем.

И даже тогда, когда она согласилась и молча пошла со мной рядом. Не вырывая своей руки из моей.

Мне нравился парк в этот день. Нравилось бродить у пруда, по которому плыли жирные серые утки. И нравилось понемногу вытягивать из своей собеседницы то, чем она ни с кем не делилась, – как ей в голову приходят истории.

– Боишься, что, пока отсыпашешься, какой-то голос нашепчет мне взять нож и так же, как ты, бесцеремонно войти на чужую территорию? – смеется она, потом спохватывается. – Прости. Мы же решили попытаться начать все заново.

Я не поправил ее, хотя и заметил ошибку.

Я не предлагал начинать все заново.

Всего лишь предложил притвориться.

И я не выпустил ее ладонь, когда она захотела пройтись к пруду, хотя и видел, что там грязно, сыро после недавнего дождя, и вся эта грязь потом будет в машине. Плевать. Спустился с ней вместе, смотрел на выводок пернатых, которым до нас не было дела. И до нас, и до того, о чем говорила Алиса.

Слушал ее и хренел. Торчать за компом по пять-восемь часов, чтобы написать то, что можно прочесть за пару минут. И то, над чем кто-то, как я, может тупо поржать.

– Ты кому-нибудь показываешь то, что пишешь? – спрашиваю, с удивлением чувствуя, что начинаю закипать при одной только мысли о хейтерах, которые могут уже ее доставать.

– Мама и сестра знают, что я что-то пишу, – пожимает плечами. – Подруги – нет, они вообще не читают. Их трудно заставить прочесть даже то, что задают в школе, так что... Ты – мой первый читатель.

Пока я обдумываю, как деликатней соврать, что у нее все не так плохо, она добавляет:

– Единственный и, скорее всего, последний.

И все мои благие намерения, все мысли про ложь во спасение рушатся от этих слов и ее быстрого серьезного взгляда.

Понимаю, что она говорит об историях, а мозг воспринимает ее слова как признание.

Мне.

Единственный и последний...

Смотрю на ее губы, так пристально смотрю, что глаза начинает резать, как будто в них бросили горсти песка.

А потом поднимаю руку и провожу пальцем по ее нижней губе, которая податливо приоткрывается, и...

Блядь!

Опускаю ладонь, соврав, что мне что-то там показалось. И, жестко сжав ее руку, разворачиваюсь и тяну в сторону сладкой ваты.

Она смеется, не понимая, куда мы спешим.

А я сжимаю ее ладонь еще чуть сильнее, заставляя ее практически бежать за собой, как это делают родители с маленькими детьми. Так проще. Дурь выходит из головы. И да, так легче вспомнить, что она действительно еще маленькая.

Слишком маленькая для того, что пронеслось в моих мыслях, когда ее губы расслабились под натиском моих пальцев.

Я покупаю большой белый моток сладкой ваты, машинально передаю Алисе. А потом оборачиваюсь, натыкаюсь на ее расслабленную улыбку и беру петуха на палочке и шарик в придачу.

– Зачем? – смеется она, ничего не понимая.

Вручаю все ей и, пока мы идем к машине, смотрю на какое-то непонятное животное, которое парит в воздухе над ее головой.

– Полина уже вышла из детского возраста, – говорит она.

– Черта с два, – ворчу я угрюмо.

И ускоряюсь.

Сажусь первым в машину, не открывая ей дверь. И похрен, что ей трудно справиться с розовым чудовищем, которое не желает впихиваться в машину. Она не ноет, не просит помочь, борется с неуклюжим животным. А потом сама так же неуклюже усаживается в машину.

Это хорошо.

Это к лучшему.

В одной руке сладкая вата, в другой леденец и долбаный шарик. Этот набор помогает мне вспомнить, сколько ей лет.

Говорить не хочется, в мыслях сумбур, единственное желание – надраться, быстро кого-то отыметь и уснуть. Чтобы утром было уже все по-другому, чтобы точно остыть и чтобы то, что я хотел сделать у пруда, рассеялось мутным туманом.

Она посматривает в мою сторону, словно улавливая мое настроение. Кажется, даже шарик в ее руках затихает, а сладкая вата покрывается каплями сожаления.

Не глядя на пассажирку и не интересуясь, что нравится ей, врубаю на максимум жесткий рок.

Мы несемся по улицам – машины сами увливают, видя скорость и марку и понимая, что не расплатятся, если вовремя не откатятся. Сквозь рев музыки мерещится, что слышу какой-то голос, но я отмахиваюсь. И только когда мое предплечье сжимают, бросаю взгляд в сторону пассажирки.

– Не так быстро, – читаю почти по губам, потому что голоса не слышно по-прежнему.

Секунда, когда отвлекаюсь на нее, приводит к тому, что я едва успеваю притормозить на красный свет светофора. Тормоза, легкий рывок вперед, а потом я с ужасом вспоминаю, что Алиса не пристегнулась, и...

– Ты как?!

– Петух улетел, – докладывает, переведя дух, потом смотрит на вату, заметно уменьшившуюся в размерах. – И подарок потерял презентабельный вид.

Это потому, что кусочек сладкого безумия теперь у нее на щеке. Стираю пальцем и сам наконец выдыхаю.

Немного на подбородке – стираю и там.

Алиса не сбрасывает мою ладонь, не пытается увернуться. Смотрит доверчиво своими глазницами, а для меня это как приглашение шагнуть в темную пропасть.

А может и похер все?

Останавливаюсь, заметив следы в уголке ее губ.

Не осознавая, что делаю, подаюсь чуть вперед. Она так близко, что я глотаю ее дыхание и понимаю, что еще секунда, еще один миллиметр – и я могу его поглотить. Рваное, затаенное и, кажется, тоже удивительно сладкое.

А потом опускаю взгляд вниз и вижу, что на ее рубашке расстегнуты несколько пуговиц. Отлетели, ослабли – плевать.

Смотрю на упругую грудь, приподнятую черным пуш-апом.

Как будто специально так – чтобы ближе к ладоням, ближе к губам, ближе к языку, которым можно пройти по соскам.

Мне нравится, когда минимум второй с половиной, а желательно третий.

Но мне почему-то хочется провести пальцами по ее небольшой груди, сжать ее, услышать приглушенный, чуть удивленный стон, который заставит прекратить орать эту музыку.

А потом, уже потом подняться к губам и...

Да блядь!..

Отшатываюсь от нее.

Убираю ладонь.

– Поищи в бардачке, – роняю, распахивая дверь и не глядя на нее, – где-то должны быть салфетки. И да, застегнись, а то все напоказ.

Прислонившись к капоту, достаю пачку сигарет, зажигалку, пускаю дым, глядя на оживленный перекресток, куда мы едва не выскочили. Сзади сигналият, объезжая, пытаются что-то орать – похрен все.

Пускаю вверх сизые кольца, слушаю, как бешено бьется сердце под раскатистый рок.

Вторая сигарета, и так же – не оборачиваясь, выкидывая из мыслей все лишнее. Одна затяжка – минус воспоминание.

Мимо проносится черный джип, сигналиит, показываю фак, не отвлекаясь от терапии. Еще одна затяжка – и можно почти спокойно дышать. Но хозяин этой тачки даже наглее, чем я. Объезжает бэу, вклинивается на тротуар, не обращая внимания на пешеходов, которые отскакивают на безопасную зебру.

Правильно, от таких, как мы, безопасней держаться подальше.

Тем более что, кажется, будет замес.

И к лучшему, потому что от сигареты уже паршиво во рту, а так разомнусь. Но неожиданно забава срывается.

– Кирилл! – Двери джипа распахиваются, и из него вываливает Макс, а следом за ним две незнакомые крали на каблуках, как ходули.

Все трое подходят ко мне, Макс представляет мне девушек, имена которых тут же стираются из памяти, и подает знак бровями, намекая присмотреться к блондинке.

Блондинка – это хорошо.

К тому же грудастая.

Да и платье обтягивает так, что сразу понятно: есть за что подержаться, когда будешь вдалбливаться.

– Привет. – Она прилипает к моему боку, перехватывает у меня сигарету и затягивается так, будто уже отсасывает. – А ты красавчик.

Впервые бросаю взгляд на ее лицо: губы надуты, ресницы наклеены, брови нарисованы, волосы не свои, черты... Да такие же, как у других, однотипные. Трахнешь – утром не вспомнишь. Особенно если смывает косметику.

– Мы едем на одну вечеринку, – сообщает Макс, пощупывая ту, которая жметя к нему как голодный котенок. – Ты как, свободен? Может быть, с нами? Оторвемся по полной.

Блондинка отбрасывает окурок, выдыхает дым, задрав голову и привлекая внимание к своей шее. А заодно едва заметно трется своим бедром о мое. Приглашение, долго толковать не приходится.

– Оторвемся... – понизив голос, воркует она.

Плавно разворачивается, приоткрывает призывно губы, но бросает взгляд на машину и хмурится:

– Ой... а вдруг у него что-то важное? Вдруг что-то более интересное намечается? – Кивает на тачку и капризно интересуется: – Это кто у тебя там?

– Никто.

Хочу добавить: никто – в том смысле, что ей не из-за чего волноваться, нечего переживать, что останется сегодня неудовлетворенной. Но просто не успеваю.

Она качается ко мне, практически наваливаясь, почему-то хохочет. Довольно долго и громко. Так громко, что заглушает не только шум улицы, но и рок в машине, который я так и не выключил, а теперь из-за смеха не слышу.

Прикладывает палец к моим губам, а своими скользит по моему подбородку, кусает мочку уха и выдыхает довольно:

– Тогда поехали. Тем более что «Никто» больше нет.

Глава 5. Кирилл, прошлое, три года назад

Я разворачиваюсь так резко, что блондинка едва не отлетает в сторону, но хватается за капот. И, пользуясь моментом, прогибается, выставляя зад напоказ.

Но я смотрю на окна своей машины, за которыми пусто.

И под тишину, потому что музыка выключена, прокручиваю в голове фразу, от которой в горле саднит сильнее, чем от десятка сигарет натошак: «Никто... Никто больше нет».

Всматриваюсь в даль: толпа снует в разные стороны, но нигде не видно девчонки с длинным черным хвостом и розовым шариком над головой.

– Поехали! – командует Макс, устав слушать недовольные сигналы лузеров с менее дорогими тачками.

– Я с Кириллом! – спохватывается блондинка.

Пока я тарашусь по сторонам, она подбегает к машине, но снова кривится недовольно.

– Фу, – надувает губки, смотрит на меня, словно ждет, что я помчусь к ней на помощь, возьму на руки и перенесу через лужу.

Хотя какие лужи в городе, если дождь был вчера?

Подойдя к ней, замечаю на земле белый моток сладкой ваты, которая уже почти исчезает.

Не было ее.

Ничего не было, показалось.

– Перепрыгнешь или сядешь в машину к Максусу? – игнорирую просительный взгляд и хлопок веерами.

– Я пластичная, – она правильно улавливает мое настроение.

И пока я обхожу машину, успевает не только разместиться на сиденье, но и настроить зеркало на себя, чтобы сделать уточкой губки. Готовится, ясное дело.

– Кирилл! – капризно торопит она, указывая пальчиком на джип Макса, который уже стартанул.

Хочется заскочить в аптеку и купить моток марли, чтобы соорудить кляп. С другой стороны, разрядка нужна не только ей, но и мне.

Сажусь в машину, а когда блондинка открывает рот, чтобы еще раз что-нибудь ляпнуть, выравниваю зеркало так, как было, и сразу предупреждаю:

– Когда будем трахаться, ты будешь молчать.

Отъезжая, замечаю в зеркале розовое пятно, которое плывет по небу с одной стороны на другую.

Торможу, посылая к херам недовольных, которым не нравится подобный маневр. Сжимаю зубы, чтобы не вспылить и не высадить пассажирку, которая стонет, что ударилась ноготком.

Высовываюсь в окно и понимаю, что шарик плывет в одиночестве. Вздрагивая от ветра. Испуганно отшатываясь от проносющихся мимо машин. Натыкаясь на столб. И с жадностью оплетая его хрупкой нитью.

И только теперь наконец понимаю, что из себя представляет это розовое чудовище. Откидываю голову на спинку сиденья и хохочу.

Он тоже выбрал то, что доступней и проще, – прицепился к столбу, хотя мог улететь.

Осел.

Осел, да и только.

Хотя небо его бы разорвало на части. И, наверное, выбор, который он сделал сейчас, единственно верный.

На вечеринку мы доезжаем в полном молчании. Несколько раз блондинка пытается намекнуть, что я слишком серьезный, но, напорвшись на мой взгляд, замолкает. Наверное,

не слишком хочет идти пешком, понимает, что в такой обуви далеко не уйдет, а Макс возвращаться не станет.

Мои подозрения, что она сбежит от меня, едва мы приедем, с треском проваливаются. Мне не приходится искать кого-то другого, чтобы выпустить пар. Эта льнет так, что едва удастся ее отцепить, чтобы перекинуться парой фраз с хозяином дома и знакомыми, которых я замечаю.

Но, заметив, что я общаюсь уже не с парнями, а девушками, она снова находит меня.

Странное дело, но никто из знакомых, глядя на нее, не интересуется: «А кто это?» Как и я, не напрягается, чтобы запомнить имя. Внешность, прикид – этого хватает, чтобы дать поверхностную оценку – норм, ничего удивительного, вполне может здесь быть. А с какой целью – понятно.

Вечеринка на уровне. Выпивка, танцы, новые знакомства, напоминание о себе прежним знакомым – все как всегда. И свободные комнаты. Тоже ничего нового. Ни для гостей, ни для хозяина дома.

Трудно сказать, кто кого затягивает на второй этаж. Мы достаточно навеселе и на взводе, чтобы уединиться.

Есть ли кровать или нет – не волнует. Хорошо сработала дверь, к которой я прижимаю блондинку. А едва она распахивает рот в изумлении и хочет что-то сказать, повторяю:

– Молчи. Просто молчи, поняла?

Не пугается, не шарахается, даже не возмущается.

Ее это еще больше заводит.

И то, что обхожусь без прелюдии. И то, что у меня в кармане пачка презервативов, а не жалкий пакетик фольги...

Надо отдать должное, блондинка держится стойко и действительно умеет держать язык за зубами. Ни единого слова, пока мы не трахаемся даже – просто совокупаемся. Только стоны, да и те пытается в себе заглушить, пока может.

Отличный вариант – с последним ее стоном в моей голове не остается ни одной суетной мысли.

Пусто.

И оттого хорошо.

У нее, по-моему, случай аналогичный, потому что после того, как я ее отпускаю, она, дернув плечами, отлепляется от двери и неожиданно заявляет:

– Я бы пососала сейчас леденец, который валяется у тебя в машине.

И одной этой фразой заполняет ворохом разрозненных мыслей такую долгожданную для меня пустоту.

Мелькает перед глазами девчонка с черным хвостом, улыбка на пухлых губах. И красной строкой мелькает жирный вопрос: как она добралась домой, если вышла в том, в чем была, а с собой у нее не было ни сумочки, ни налички?

– Эй, ты куда? – удивляется блондинка, когда я обнимаю ее не для того, чтобы продолжить, а для того, чтобы оттеснить от двери. – Да не обижайся ты... Я же просто хотела тебя подразнить. На самом деле я с куда большим удовольствием...

Дальше не слушаю.

Спускаюсь вниз, оставляя за собой звуки смеха, музыки и поцелуев. Нашариваю смартфон, холодея от цифры, которую вижу. Половина одиннадцатого...

Мать твою, половина одиннадцатого.

У меня нет ее номера, набираю отца. Несколько гудков кажутся бесконечными, да и зажигалка, как назло, дает сбой.

– Неужели хочешь предупредить, что ночевать дома не будешь? – слышу спустя несколько секунд спокойный голос отца.

И наконец выдыхаю.

Потому что он слишком залип на матери девочек, чтобы не поставить на ноги половину города, если бы одна неожиданно потерялась.

Но все равно проверяю.

– Никогда не поздно начать. Кстати, остальные предупреждают?

– Жена под боком, – усмехается отец, – а девочки, наверное, давно уже спят. Думаю, несколько лет без новых седин у меня еще есть.

По тону, которым говорит отец, понимаю, что Алиса дома и не рассказала о том, что случилось.

Значит, бессмысленно спрашивать у него, как она добиралась.

– Ты-то где? – интересуется он.

– Скоро буду, – обещаю ему.

Выбросив мятую сигарету и бесполезную зажигалку, сажусь в машину. Обнаружив леденец, вышвыриваю его, но закрыть окно не успеваю.

– Может, нам по пути? – склонившись так, чтобы я рассмотрел грудь получше, спрашивает блондинка.

– Вряд ли.

– Тогда позвони, как соскучишься, – пожимает она плечами, ничуть не расстроившись. –

Мой номер у Макса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.